

"УЖЕЛИ МНЕ ЕСТЬ ЗА ЧТО МСТИТЬ?!"

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ

ВЧЕРА БЫЛ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ КОНЧИНЫ РУССКОГО ПОЭТА ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА

О жизни его, обраставшей слухами, легендами, небылицами, ничего как следует еще не написано. Стихи его в разрозненных рукописях хранятся у многих приятелей и случайных знакомых.

Выпустив при жизни три тонкие книжки детских стихов, он был принят в Союз писателей за две недели до смерти. Литфонд отказался помочь в его похоронах. «Литературная газета» отказалась печатать некролог.

Отцевади его в том же храме на Конюшенной — Храме Спаса нерукотворного образа, где отпевали Пушкина. Отец Константин знал, кто такой Олег Григорьев. Хоронили его на Волковом кладбище. Помогли друзья — литераторы и художники. Помог Союз кинематографистов.

Именно теперь пришла пора собирать и изучать то, что оставил Григорьев в литературе. Именно теперь становятся интересны любые подробности его жизни.

Борис Юрьевич ПОНИЗОВСКИЙ — режиссер, художник, руководитель театра «ДаНет» — был знаком с Олегом Григорьевым с 14 лет.

с курицы перья и пух. Теперь бегают по улице непетушиная курица». В найденной там же записной книжке я обнаружил много телефонов наших общих друзей. Нашел и свой телефон десятилетней давности.

САМ ОН не размыкался очень на людей. Оставался всегда независимым человеком. Можно сказать, что его «составляли» чужая и собственная водка, чужой и собственный хлеб и, в общем, чужие и собственные мышцы. Были драки, его били — мышцы становились чужими. Печень у него тоже была чужая, не его — она торчала... А водка, хлеб и мышцы — все это соединялось.

Он жил без крыши над головой. Он принял эту роль, роль божья, поскольку в нем сидел очень средневековый человек, даже язычник. Здесь явно напрашивается параллель с Вийоном.

ОН ВСЕ изначально принимал. Это был всегда высокий полет. Мозг всегда был ясный. Однажды он лежал у меня пьяный, услышал музыку из приглушенного телевизора и сказал: Бетховен. Назвал вещь, сказал: Караян. Это был действительно Караян, и он не мог это знать заранее... Олег был человек великопленной культуры. Очень любил Карла Орфа, ему нравилась «диаложность» Орфа, его аранжировки: шепоты, крики, перевод многих инструментов на ударные. Ему очень нравился Борис Тищенко, с которым они долгое время дружили, их

связывал интерес к определенной культуре.

Иногда в общении Олег был страшен. Но он вел себя так лишь оттого, что любил результативность встречи. А результативность зависела от таланта человека, с которым он встречался. Есть два глагола, которыми можно обозначить все его эмоции: он или восхищался, или рычал. Рычал — тогда, когда его не понимали.

Он всегда был глубоко занят самообразованием. Оно у него было точным. В художественной школе Олег учился вместе с Шемякинским, Целковым, Устюговым... Человек десять, представляющих сейчас таланты мира, были в ту пору выгнаны из СХШ за «не ту» руку, «не те» тенденции рисования. Причем Олег как раз в рисунке был академист.

В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ искусстве Олег стал отцом того направления, которое я бы назвал «пышный» или «барочный примитивизм». Пост-экспрессионистские цвета: ярко-зеленый, ярко-малиновый, ярко-желтый кадмий... В 60-е годы было много людей, которые работали в этой манере. И считали себя его учениками. Эдуард Зеленин, например.

Почему он не стал художником? Художник больше требует отстоявшегося места — чтобы было, куда ставить мольберт, класть краски... А так — у него остались рисунки в рукописях — на полях, по-пушкински. И не случайно,

что ответ он был в той же церкви.

ДАЖЕ ВО ВРЕМЯ отпевания присутствовал какой-то момент театральности. Многие из тех, кто пришел на отпевание, впервые поднимались по лестнице долевой церкви на второй этаж, где небольшие объемы, затишье, тени, сохранившаяся старая живопись... Это были для них новые ощущения. И строгий отец Константин тоже невольно внес элемент карнавальности — проходил мимо толпы страдающих людей, многие из которых едва ли не впервые пришли в церковь, он сердито уназал: «В левой руке держат свечку! Правой крестятся!» Люди не знали, как это делают! И все быстро переложили свечки из правой руки в левую. А разве не спонтанно, когда вокруг гроба появилось дикое количество видеокамер и аппаратов, снимающих друг друга?.. Но главное — страдали все подлинно.

ВСЕ ЕГО неприятности с властями, с милицией тоже носили момент театральности. Впервые это случилось в начале 70-х, после выхода его первой книги «Чудаки». Он шел с авоськой, в которой были новая рукопись и фугас вина. Шел и искал художника Юру Галецкого. Перепутал дом. Спускаясь по лестнице, обратился к двум «торговым дамам»: сестренки, вы не знаете, где живет Юра Галецкий? Он почему-то считал, что все должны это знать. Те обиделись на слово «сестренки», стали толкаться, он начал защищать авоську. Кто-то испугавшихся в этой компании скрутил его. Ответили в милицию. При обыске обнаружили в кармане восемьсот рублей. Откуда такие деньги у гопника? Это я за книгу получил, «Чу-

даки» называется. А чем вы вообще занимаетесь? Где работаете? Работал раньше над «Чудаками», теперь — над новой книгой... Ага, туняеда! Суд Отправили в Вологду, в ссылку. Может, это кощунственно звучит — но эта ссылка его в чем-то спасла. Он был страшно болен полнартритом — а попав в свой, родной климат, излечился. Из ссылки он привез и прозу — великоленную «взрослую» прозу. Она сейчас считается потерянной. Но на самом деле где-нибудь хранится. Многие люди специально крали у него рукописи, чтобы они потом не пропали.

В милиции он оказывался и тогда, когда пытался защитить более беспомощных людей. Последний суд над Григорьевым, который кончился условным наказанием, был связан с тем, что Олег заступился за художника Гену Устюгова... Я знал Олега в его безобразиях. Это не столько сильный человек, сколько вспыльчивый, рычавший.

ВОТ ОДИН ЭПИЗОД — здесь Олег предстает хрупким, светлым, блестящим, потому что связан эпизод со стеклом. Приходит к Григорьеву Владимир Шагин, отец Мити, видит: Григорьев смотрит в окна, его Шагина, не замечает. Шагин не понимает, на что он смотрит. Подошел — и нулаком выбил стекла. Олег застонал: за что? За что ж ты меня так наравешь? Ужели мне есть за что мстить? Шагин, защищаясь, сказал: идем со мной! Привел к себе, поставил перед стеной: бей! Олег посмотрел, вздохнул: какой ты хитрый! У тебя маленькие стекла, а у меня большие. И я не мщу...



Но было и много других историй — и смешных, и безобразных одновременно. Иногда дело шло к тому, что милиционеры просто старались не смотреть в его сторону...

В ОДИН ИЗ СВОИХ последних приходов мне он сказал: знаешь, Боря, я не отстаю себя как живописца. Я спросил: а как прозаика? Не отстоял. И как взрослого поэта — тоже. Я отстоял себя только как детского поэта.

Детские стишки — они же коротенькие...

Записал
Максим МАКСИМОВ
Рисунок
Александра ФЛОРЕНСКОГО

● Желающим материально помочь семилетней дочке Олега Григорьева Маше сообщаем номер счета гуманитарного фонда «Свободная культура»: р/с № 19001700663 АО БАНК «Санкт-Петербург» Куйбышевское отделение МФО 171111 — для дочери Олега Григорьева Марии Олеговны Лобановской.

— В НАШЕМ доме на Пушкинской, 10, Олег бывал последний год очень часто. Здесь он всегда имел у кого-то ночлег, хлеб, водку. Потом ему стали в водке отказывать.

Олег — один из трех близких мне умерших поэтов. Я стал как бы их подшефным. Леонид Аронзон и Евгений Михнов за месяц, за два предчувствовали свою смерть. А Григорьев последние два-три месяца постоянно говорил, что уже умер. Называл себя мертвецом.

Умер он очень по-бытовому. Остался ночевать у меня, потом встал. Здесь, говорит, твердо, пойду туда, где мягче. Ушел в другую квартиру. Ночью ко мне прибежали взволнованные, напуганные подвыпившие люди. В три часа у него хлынула кровь из сосудов пищевода, его увезла «скорая». Шестнадцать часов

после этого он еще жил. У него было прободение язвы, обычно от этого не спасает даже операция.

КАРНАВАЛЬНОГО вокруг него создавалось очень много. И даже после смерти. Я два года не мог найти репетит своих очков, и вдруг оставшиеся от Олега очки точно мне подошли. После его смерти кто-то нашел огурец в чьей-то забытой сумке, мы вымыли его, съели — и потом поняли, что это была сумка Олега. Он уже лежал в земле, а мы ели забытый им огурец.

В другом оставленном им портфеле я нашел рукопись, которую он считал потерянной еще с 87-го года. В рукописи были видны следы работы, тяжелой работы. Я даже подумал: кто-то пытается писать «под Олега»... А потом — вдруг выход, несколько строчек очень близких к нему, которых еще никто не знал. Вот эти: «Неуриный петух сорвал